

ИСТИНА И СМЫСЛ КАК МЕТАКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОДУСОВ ВРЕМЕНИ

Рассматривается взаимосвязь временных модусов прошлого, будущего и настоящего, взятых в контексте не физического течения событий, обладающего предметно-объективированным статусом, а в ракурсе герменевтически-экзистенциального становления осознанной деятельности индивида. В ее рамках базисными регулятивными сущностями выступают мета категории истины и смысла, имеющие фундаментальную экзистенциальную значимость. Прослежена возможность сущностной корреляции данных метакатегорий и модусов времени.

Ключевые слова: экзистенциальный, время, смысл, истина, понятость, будущность, прошлое, настоящее.

Розглядається взаємозв'язок часових модусів минулого, майбутнього і сьогодення, взятих у контексті не фізичного перебігу подій, що має предметно-об'єктований статус, а в ракурсі герменевтично-екзистенціального становлення усвідомленої діяльності індивіда. В її рамках базисними регулятивними сущностями виступають метакатегорії істини і сенсу, що мають фундаментальну екзистенційну значущість. Просліджено можливість сутнісної кореляції даних метакатегорій і модусів часу.

Ключові слова: екзистенційний, час, сенс, істина, зрозумілість, майбуття, минуле, сьогодення.

Interrelation of time modes of the past, future and present taken in the context of not physical flow of events, having subject-object status, but in the context of hermeneutic-existential becoming of realized activity of an individual is examined. Basic regulative essences are metacategories of truth and sense which have fundamental existential significance. The possibility of ontological correlation of these metacategories and time modes are traced.

Key words: existential, time, sense, truth, comprehension, future, past, present.

Категории истины и смысла имеют постоянную прописку в текстах философских исследований. Чаще это проявляется, правда, в косвенном отношении, когда речь философа неявно апеллирует к истинности и смыслу поднимаемых вопросов без специального концептуального выяснения непосредственной содержательности данных категорий. Реже эта содержательность выступает предметом непосредственного интереса. Из сравнительно недавних публикаций к первой группе относятся, например, работы [1], [4], [5]. Вторую отчасти характеризует статья А.П. Назаретяна [3]. Кроме того, истина

и смысл подробно рассматриваются в ракурсе их теоретико-знакового функционирования в структуре логико-математических систем (см., например, [2]). Однако этот аспект существенен, в первую очередь, для семантически замкнутых, и потому абстрактных построений дедуктивного знания, в то время как жизненный мир человека определяется принципиальной разомкнутостью, понятой и в хайдеггеровском смысле (как размыкание экзистенции), и в гегелевско-марксистской конкретике.

Целью статьи является выявление корреляционной связи искомых категорий и модусов экзистенциального времени.

В повседневном употреблении категории истины и смысла замещаются простыми понятиями правильности и значения (цели).

Значение реализуется в направлении, во-первых, количественном, когда спрашивают «каково значение этого?» - имея в виду велико оно или мало (это *значимость*) и, во-вторых, качественном, в вопросе «что это значит?» - это *знаковость*.

Итак, значение распадется на две составляющие – значимость и знаковость. Смысл имеет отношение к ним обеим.

Спрашивают: в чем смысл этого события, подразумевая, иными словами, каково его значение? Поняв значение, мы тем самым постигаем и смысл. Но этот смысл может быть далеко не безусловным, поскольку данное значение имеет искомый смысл в определенной системе социокультурных интерпретаций. В иной системе значение события будет оценено иначе, смысл его изменится. Возможно, что его значение будет признано вообще ничтожным, что ведет, соответственно, к отсутствию смысла. Во многих случаях – особенно, в повседневно-бытовых событиях – смысл понимается именно в количественном аспекте, т.е. весьма абстрактно. И сама соответствующая сфера жизни выступает такой же абстракцией. Но в любом случае остается связь значения и смысла. Значение образует определенный смысл, но смысл не равен значению, смысл можно найти и вне относительных оценочных характеристик. Но значение, как и цель, являются ближайшей и достижимой стороной смысла.

Что есть в значении и цели, позволяющее говорить о смысле? В том и другом случае происходит процедура *осмысления* события или действия, делающее их *понятными*. Понятность, понятость составляют структуру смысла, смысл реализуется в форме понятности.

Осмысление, взятое как понимание вообще, вне его частных целевых и антропоморфных модусов, всегда присутствует в отношении субъекта к окружающему его бытию. Это происходит, пока он осознает свою цельность как воспринимающего существа, конституируя соответствующий данной цельности жизненный мир.

Метапонятия прикладываются обычно к частному действию или событию: задается вопрос «в чем смысл *этого* поступка? *Как* его понять?». Понятость поступка заключена в осознании его обусловленности и его последствий.

Смысл включает изолированный фрагмент действия или события в определенным образом понятое целое. В смысле действия, события заключена его целостность и конкретность. В стремлении человека к смыслу заложено стремление к достижению целостности самого себя.

Смысл выступает в форме понятости, понимается в ней *связность* жизненного пространства, его цельность и полнота. Постигание связности открывается как смысл.

Понятость, в свою очередь, всегда связана с истинностью. Понятость может быть ошибочной, но на момент своего совершения она воспринимается как истинная. Об ошибочности понятости можно говорить, скорее, не в абсолютном значении, а лишь в относительном. Ошибочной она будет осознана в результате достижения иной понятости, которая также выступит в форме истинного. Истинность, таким образом, неразрывно сопутствуя понятости, включена и в смысл как его внешне необходимая сторона.

Истина всегда есть осмысленная истина, если субъект понимает, о чем идет речь. В противном случае он может изрекать истину только формально, не понимая ее смысла, понимая его превратно.

Смысл, несомненно, понимается, но часто с трудом произносится. Истина передается легче, она произносится, но далеко не всегда понимается. Смысл царит в неопределенности, многозначности и неточности языка, истина выступает яснее.

Смысл причастен сущности – не объективированной сущности, не просто внутреннему механизму явлений, а сущности, соотнесенной с человеком и переживаемой им. Смысл, таким образом, выражает не просто связность бытия, но связность именно жизненного пространства. В природном мире смысла как такового нет, но его следы существуют: это цельная согласованность и скоординированность разноплановых явлений, преодолевающая их пространственную разобщенность в мировом эволюционном процессе.

Смысл в собственном понимании, т.е. сущность смысла, коренится в *будущности*, смысл должен *раскрыться*, представая как связность, конкретность, цель, значение – вообще как та или иная степень понимаемости. Понимается всегда смысл, то, что понято, то осмыслено.

Но все ли понятое и осмысленное имеет смысл? Выражение «имеет смысл» включает в себе некую положительную характеристику, дающую санкцию на необходимость существования. Необходимость же является полным оправданием соответствующей реальности. В то же время существуют явления, которые поняты, но разум противится их оправданию, он не хочет видеть (и не видит) в них никакого смысла.

Тем не менее, если выполнено условие связности, - смысл есть. Он может быть трагическим или отталкивающим, но все же это смысл, который вовсе не оправдывает прошедшее негативное и разрушительное, но является, возможно, предупреждением на

историческом (или личностном) пути человека. Он, в таком случае, играет роль предохраняющей прививки, давая переболеть человечеству пусть и с потерями, но без тотального самоуничтожения.

Выше говорится о прошедшем негативном и разрушительном, поскольку в период его актуального существования практически невозможно оценить и осознать весь ход событий, тенденции, движущие силы и представить их в целостном видении совокупных причин.

Смысл, следовательно, может быть и отрицательным, но он остается смыслом, устойчивой целостностью, лежащей вне субъективного произвола временных оценок. И, разумеется, нет оснований связывать его только с практикой прощения и оправдания.

Случай, когда понимание есть, но о смысле можно говорить с большой натяжкой, возникает при ограничении понимания только уяснением генезиса явления, события, действия, рассмотрением лишь их детерминации.

Понимание некоторого явления, т.е. его *осмысление* далеко не всегда можно истолковать как обнаружение смысла в данном явлении. Понимание здесь означает уяснение того, в чем причина события. Но *причина* события не образует его смысл и цельность, лишь делает понятным его происхождение, исток. Поняв причину явления, мы еще совершенно не приблизились к его смыслу и, следовательно, далеки от его подлинного понимания.

В физических системах смысл адекватен сути, он падает до объективированной сущности, он *вырожден* – это нулевой смысл. Суть физического явления исчерпывается причинной обусловленностью, скрывающей механизм его функционирования как данного явления, и своими следствиями. Причинно-следственный ряд также образует определенную связность и потому его содержание причастно смыслу, но – нулевому, поскольку оно бедно в силу изначально проведенной объективации.

Объективированное бытие полностью обращено в *прошлое*, оно целиком объясняется из прошлого: откуда оно *вытекает*? Что его обуславливает? В чем его причина? Ответ на эти вопросы без остатка раскрывает объективацию.

Причина, взятая изолированно, в отрыве от следствия, лежит всегда в прошлом. Так данный модус времени приобретает в общественном бытии форму естественнонаучной методологии, утверждая всеобщую объективацию как высший идеал не только научного, но и вообще любого знания, если оно хочет быть знанием, претендует на постижение истины, на свою истинность. Наука не ищет смысл, она раскрывает сущность явлений, существо их, суть.

Временной модус *будущности* в полной мере недоступен, он – за горизонтом восприятия и непосредственного созерцания. Он раскрывается постепенно и всегда неокончательно, по крайней мере, пока не исчерпано само время. Таков и смысл.

Постепенность раскрытия будущности не следует понимать как равномерность «течения» времени. Постепенность и неспешность

течения экзистенциального времени, времени человеческой жизни – не в хронологическом, а в смысловом и переживаемом отношении, разрывается и рассекается на малосвязанные «до» и «после» вспышками трагической истины большего или меньшего масштаба или манифестацией истины *созерцательной*. «После» отменяет всякое «до» и человек обязан измениться и он действительно меняется, в противном случае он проходит мимо истины, в слепоте восприняв ее как заурядный и банальный факт текущей обыденности.

«Пройти мимо» можно двумя путями: либо попросту игнорируя, считая, что нечто «показалось», либо объясняя привычным образом, вписывая новое содержание в стандартные рамки повседневности, говоря «это не более, чем...». Такое прохождение мимо допускает лишь, до поры до времени, ненавязчивая истина созерцания, апеллирующая к восприятию всей целостностью человека, и осознанной его стороной, и неосознанной. Осознанность здесь сводится к простому *допущению* этой истины в мир понимания – пока еще как совершенно инородного элемента. Такое содержание, принятое как истина, приводит впоследствии к появлению нового времени человеческой жизни, перестраивая в иную целостность всю структуру понимания, так, что истина находит в ней свое место. Такая истина не спешит остановить человека, он проходит и проходит мимо, не видя и не слыша ее. Истина созерцания демонстрирует высшую объективность и подлинность, ей, в сущности, безразлично, как ее воспринимают и воспринимают ли вообще.

Трагическая истина также образует совершенно достоверную реальность, но человек не способен пройти мимо нее, скорее, она сама проходит через человека. Это – человеческая истина, истина его бытия.

Если смысл экзистенциально выражен в *будущности*, физическим коррелятом которой является собственно будущее, и, как следствие такого совпадения, его содержание подвижно и неокончательно, то истина, напротив, характеризуясь, в первую очередь, неотмененностью, явно тяготеет к аспекту прошедшего, ставшего, неизменного и недоступного каким-либо вариациям и пересмотру.

Смысл, таким образом, временен, истина же выпадает из времени, она вне времени и задает начальные условия его протекания. От прошлого нельзя освободиться, кроме как заменить его другим прошлым, другой истиной. Но с другой истины начинается другое же время, прежнее время со своим прошлым исчерпало свой смысл, оно раскрылось и ушло. Старое прошлое исчезает без следа.

Истина, образовавшая собой исток времени, по мере собственно историко-хронологического отхода от нее, превращается в традицию. Истина в виде традиции, ритуалов, образов, уклада жизни,

превалирующего типа мышления идет и действует из прошлого – но не только «из», а и является самим прошедшим. Прошедшее актуализировано в истине и оно вовсе не «прошло» в смысле ухода и исчезновения, а живет в самой воспринимаемой реальности. Насколько живо это прошедшее – настолько реальность предстает как развивающаяся, единая цельность.

Дело, однако, в том, что исходная истина становления в течение чистой хронологии выдыхается, ее сила, импульс движения рассеиваются и потому для каждого нового поколения требуется ее «подпитка», восстановление в первоначальной чистоте и мощи, иными словами, – снятие растущей опосредованности ее и прорыв к исходному состоянию (задающему все последующее развитие), что означает преодоление временности. Успешное периодическое снятие временности, опосредующей и закрывающей начальное сакральное правремя, очищение «налета времени» служит процедурой возврата к неискаженному, истинному бытию. Такой возврат происходит более или менее приблизительно, так, что в конечном итоге «качество» восстанавливаемой архетипической матрицы смыслов снижается и временность берет свое, настойчиво и все более безвозбранно вторгаясь в историю, выхолащивая ее живое содержание, превращая его в абстрактную текущую хронологию. Конкретность (в)падает в абстракцию, представая в односторонней форме. Этот результат, тем не менее, следует оценить положительно, поскольку в противном случае, имея точное повторение исходной матрицы смыслов, мы остаемся на уровне неразвивающегося архаического общества. Устойчивость архаического существования обусловлена его в значительной мере упрощенной, преимущественно знаково-ритуальной формой, образующей островок пребывающего сакрального времени, жестко отделенный от омывающей его внешней временности.

Матрица смыслов при этом вырождается до подчиненной ей – в общем случае – матрицы действий и эта последняя становится самодовлеющим, универсальным регулятором всех сторон как общественной, так, в значительной мере, и личной жизни. Мерность социального пространства падает, свертываются сложные гармоник жизни, и простота выступает здесь гарантом устойчивости функционирования общества на достаточно длительном отрезке времени. Простота общественной структуры, поддерживаемая без потерь с помощью несложного и легко обозримого кодекса фундаментальных регуляторов, есть, во-первых, результат идеализации (идеирования) реальности и, во-вторых, это означает пронизанность и связность текущей повседневной жизни этими фундаментальными отношениями, превращение повседневности в сакрализованную реальность.

Идеализация реальности с помощью насыщения ее постоянно, а не время от времени, осуществляемыми сакральными действиями, имеет в интересующем нас аспекте два следствия. Первое – то, что как бы реальность ни подвергалась идеализации и упрощению, она, тем не менее, остается вполне полноценной действительностью, в которой возможна устойчивая и осмысленная жизнь. Здесь нельзя говорить о сколько-нибудь «заоблачном», иллюзорно-призрачном, фантастическом бытии, или какой-то неадекватности восприятия. Второе поясняется с помощью физической аналогии. В классической механике существует принцип инерции, утверждающий, что, если свободно движущееся тело не встречает сопротивления своему движению, состояние его остается неизменным. Отсутствие сопротивления есть *идеальный* случай, поскольку реально-материальный шар, катящийся по гладкой (но не абсолютно гладкой) горизонтальной поверхности, хотя и малое трение, но испытывает. Идеализация реальности, не в теоретических построениях физики, а в мироустройстве архаического общества такова, что реальность, оставаясь реальностью, начинает двигаться по истории «без трения», она не «разворачивается» со временем, не усложняется, а в замкнуто-связном виде скользит во внешней хронологии. Если внешние условия не меняются, то такое движение архаического общества во времени практически нескончаемо.

Выброшенность из истории означает здесь постоянный *возврат*, измененное направление, повернутую назад голову, ориентацию, по большому счету, не на изменчивый и множественный *смысл*, а на заданную и неизменную *истину*. Смысл постигнут в форме единой и не обсуждаемой истины.

Но что компенсируется в возврате? Что в нем возвращается? Поток времени?... Поворачивается ли время вспять?

«Поворот времени» невозможен, поскольку представление потока здесь метафорично, время нельзя уподоблять текущей реке.

Тем не менее, постоянный возврат приводит к полной остановке во времени, когда нет ни регресса, ни прогресса (в идеальном варианте).

Усилие возврата направлено на поддержание одной, ранее выбранной возможности и закрытие бытия для других: оно, таким образом, *компенсирует действие собственного пространства возможностей*.

Изначальный выбор расходится по всем уровням существования архаического общества и образует архетипическую матрицу действия, застывший смысл, навечно цементирующий всю социально-личностную структуру. Совпадение истины и смысла здесь выражено в неразделенности личностного и общественного начала в индивидуе. В нем преобладает род, диктующий нераздельную истину. Смысл не имеет собственной формы, он – вне себя, вне смысла личностного.

Актуализация архетипической матрицы действия приводит к своего рода эффекту «сверхтекучести» во времени, необходимым условием которого является наличие закрытых полностью или практически закрытых пространственно-географических границ общества.

Содержание, воспринимаемое как истина, всегда так или иначе осмыслено и включено в социо-культурный контекст говорящего. Нельзя сказать: «В чем смысл этой истины?» - в этом случае мы просто не понимаем истину как истину и это содержание назвать истиной не имеем оснований. В истине всегда присутствует определенная осмысленность. Истина становится – приходит под знаком осмысленности. Осмысленность как будущность доминирует над истиной – прошедшим.

Нельзя и сказать: «В чем истина этого смысла?» - мы не понимаем смысл как смысл, если не видим в нем истинного.

Но возможно спросить: «Осмыслена ли достаточно эта истина?» и «истинен ли этот смысл (истолкование)?». И все это означает «достаточно ли наша понятость (в) этой ситуации?».

Понятость, понимаемость есть область встречи истины и смысла, она образует структуру временного модуса настоящего. Субъект восклицает: «Я понял!» - понятость осуществилась. При этом истина стала истиной и обрела смысл. Эта область понимания реализуется как момент забвения, который и есть настоящее. Когда мы его не переживаем, но вспоминаем – перед нами уже прошлое. Осуществление понимания ведет к забвению-упразднению экзистенциального времени, означает власть над ним: чем глубже понимание, тем обширнее и устойчивее эта власть. Прехождение физического времени задает лишь внешнюю и несущественную канву осмысления. Физическое время не отменяется, но перестает доминировать, оно лишается трагизма безысходного существования.

Настоящее, именно настоящее экзистенциального времени – это иное времени, его исключение. В настоящем нет времени, нет какого-либо «течения» событий, их становления, они заданы сразу и целиком, они полны, окончательны и самодовлеющи, они не являются промежуточной ступенькой к чему-то более высокому и значимому. Полная ясность и понимание делают излишней в этой ситуации идею времени, временности, становления, развития.

Вывод. Экзистенциально будущность образована раскрывающимся смыслом и создается вхождением субъекта в действительность, ведущим к раскрытию бытия. Существование приходит к бытию, бытие раскрывается и это раскрытие застывает в виде истины.

Смысл, выражая связность и полноту жизненного, экзистенциального пространства человеческого бытия, создает, тем самым, основу

этого бытия, воплощает собственно экзистенциальность и сам есть экзистенциал.

Смысл смысла в том, что его не нужно *специально* искать, оставив все прочее, т.е. пытаться определить и обнаружить смысл как таковой. Вне конкретной работы все подобные поиски надежно и безвозвратно тонут в бесплодности пустых словопрений, нескончаемой и бессильной рефлексии, потерявшей свою основу и связь с реальностью, потерявшей *свою* реальность.

Смысл вырастает из самой деятельности, если она захватывает человека целиком. Захваченность образует необходимое условие смысла, рождает ощущение его присутствия.

Известного рода безумие и благородство сопровождают такую деятельность и цель-смысл здесь образованы процессом самого движения. Это то же движение, взятое в ракурсе его завершенности. Это завершенность, существующая вне времени, «одновременно» с разворачиванием и становлением содержания. Нет, следовательно, в чистом виде ни того, что мы называем «завершенностью», ни называемого «становлением» - одно и другое суть своего рода умопостигаемые *примеры*, образующие наглядность рациональных рассуждений.

Использованная литература

1. *Абишев, К.* Мышление и бытие / К. Абишев // Вопросы философии. – 2014. - № 3. - С. 62-72.

2. *Ламмит, М.* Истина / И. Ламмит [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://philosophy.ru/library/lang/dummett.html#_ftn1 (4.06.14)

3. *Назаретян, А.П.* Смыслообразование как глобальная проблема современности : синергетический взгляд / А.П. Назаретян // Вопросы философии. – 2009. – № 5. - С. 3-19.

4. *Науменко, Л.К.* Эвристический потенциал диалектической теории мышления / Л.К. Науменко // Вопросы философии. – 2009. - № 6. - С. 60-71.

5. *Пирожкова, С.В.* Проблема научного предвидения в философии К. Поппера / С.В. Пирожкова // Вопросы философии. – 2009. - № 6. - С. 160-176.

Статья поступила в редакцию 17.09.2014 г.